

На правах рукописи

Бойко Юлия Ивановна

**ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ПРИЛУЗСКИХ КОМИ
(КОНЕЦ XIX – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX в.)**

Специальность 07.00.07 — этнография, этнология и антропология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург
2011

Работа выполнена в Институте языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.

Научный руководитель: кандидат исторических наук
Ирина Васильевна Ильина

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Антон Кириллович Салмин

доктор исторических наук
Ирина Юрьевна Трушкова

Ведущая организация: ГОУВПО «Сыктывкарский
государственный университет»

Защита состоится “25” апреля 2011 г. в _____ часов на заседании Диссертационного совета Д 002.123.01 по защитам докторских диссертаций в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке МАЭ РАН.

Автореферат разослан “ _____ ” _____ 2011 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук

А.И. Терюков

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. В центре внимания отечественной этнографии находится изучение формирования и этнокультурных особенностей этнографических групп, в основе общности которых, как и, в целом, этноса, лежат общность территории и языка, культурно-бытовых особенностей, комплексные представления о «своих». Изучение локальных групп, по мнению Т.А. Бернштам, является «следующей ступенью в исследовании проблемы этноса, с выходом на новые подходы и аналитические приемы, могущие высветить иные механизмы формообразования этнических структур, их интегрирующих и дифференцирующих признаков» (Бернштам, 1995). Именно на уровне малых групп оформляются и закрепляются традиции, складываются культурные модели, формируется основа системного целого крупных этнических и межэтнических сообществ. На примере исследования этнографических и локальных групп возможно рассмотрение социокультурных механизмов адаптации к природно-климатическим условиям, способствующих выработке регионально-локальных вариантов культуры. Изучение традиционной культуры, выявление в ней универсальных и специфических черт на уровне локальных групп позволяет не только глубже проникнуть в проблемы происхождения отдельных элементов культуры, но и в целом этногенеза народа.

В этнографии коми разработка вопросов, связанных с изучением локальных, этнографических групп получила свое развитие в работах Л.П. Лашука, Л.Н. Жеребцова, Н.Д. Конакова, О.В. Котова, А.А. Чувьорова, В.В. Власовой, К.В. Истомина, однако в этнографическом плане территория коми исследована крайне неравномерно и, в частности, практически не изучена самая южная группа коми, проживающих в Лузско-Летском бассейне. Она была выделена Л.П. Лашуком и Л.Н. Жеребцовым, которые в процессе работы над этнографическим районированием Республики Коми на основе особенностей хозяйственного уклада, культуры, следуя за лингвистами, определили восемь этнографических групп народа коми. Группа южных коми, характеризующихся земледельческим типом хозяйства и связанной с ним культурно-бытовой спецификой, получила название прилузской, в соответствии с территориально-административным делением республики. Вместе с тем, Л.Н. Жеребцов предположил наличие в Прилузье двух локальных традиций – лузской и летской, наметив, таким образом, перспективы дальнейших исследований.

Объект исследования. Объектом настоящего исследования являются лузско-летские коми, проживающие в бассейнах рр. Лузы и Летки в юго-западной части Республики Коми (в современном административном делении – Прилузский район Республики Коми).

Предмет исследования. Предметом исследования является традиционная культура лузско-летских коми. Особое внимание в диссертационном сочинении уделяется рассмотрению хозяйственного комплекса, жилища, одежды, пищи, семейной обрядности.

Степень изученности темы. Период до начала XX в. можно считать этапом накопления этнографических сведений по лузско-летским коми, первые из которых были зафиксированы академиком И.И. Лепехиным в «Продолжении дневных записок путешествия Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1771 году» (Лепехин, 1814). В сочинении имеются описания женской одежды, празднования Ильина дня, хозяйственных занятий южных коми, культурное своеобразие которых И.И. Лепехин связывал с их принадлежностью к коми-пермякам.

Во второй половине XIX в. на страницах «Вологодских губернских ведомостей», «Вятских губернских ведомостей», «Волжско-Камского слова» публиковались краеведческие материалы по традиционной культуре Прилузья, часть которых и была обобщена в монографической работе К.А. Попова «Зыряне и зырянский край», где автор определил этническую границу зырян верховьями р. Лузы (Попов, 1874).

Большой вклад в изучение культуры коми-зырян внесли исследователи А.И. Шегрен, У.Т. Сирелиус. В собранных ими в ходе академических экспедиций материалах содержатся сведения о традиционной культуре лузско-летских коми.

А.К. Супинским изучались традиции домостроительства, хозяйственные промыслы и связанные с ними поверья лузско-летских коми.

Систематические исследования прилузских коми начали осуществляться со второй половины XX в., когда наряду с фронтальным изучением лузско-летского диалекта стали проводиться и топонимические, археологические, антропологические, этнографические экспедиции.

Лингвистами был выделен лузско-летский диалект коми языка, имеющий наибольшие сходства с сысольским диалектом коми-зырян и с северными коми-пермяцкими говорами, и выявлены лексические параллели ему в удмуртском, марийском (Т.И. Жилина, 1979), прибалтийско-финских языках (В.И. Лыткин, 1963). Впервые Т.И. Жилиной были отмечены различия в говорах лузских и летских коми (Жилина, 1982). В топонимике Прилузья А.И. Туркиным, А.П. Афанасьевым, А.Г. Мусановым, наряду с исконно коми, составляющими основной пласт топонимами, были выявлены прибалтийско-финско-саамские, волжско-финские, русские (Туркин, 1986; Афанасьев, 1996; Мусанов, 2006).

Антропологические исследования показали, что на Летке и Лузе преобладает население с антропологическими характеристиками, сближающими южных коми с удмуртами и коми-пермяками, среди которых распространен

сходный вятско-камский (сублапоноидный) антропологический тип (Н.Н. Чебоксаров, 1946). Отмечается также близость южных коми к прибалтийским финноязычным народам (Г.А. Аксянова, 2005).

По данным археологических исследований уже в XIII–XIV вв. прослеживается этническое своеобразие населения, обусловленное влиянием на культуру лузских пермян прибалтийских и поволжских финнов, а также племен славянского происхождения (Э.А. Савельева, 1972; 1995; 1997).

Из этнографических работ особо выделяются труды Л.П. Лашука и Л.Н. Жеребцова, в которых рассматриваются вопросы формирования прилузских коми, выделяются основные особенности традиционной культуры и хозяйства населения бассейна р. Лузы (Лашук, 1972; Жеребцов, 1986). История формирования этнографической группы лузско-летских коми, заселения территории бассейнов Лузы и Летки, динамика численности населения рассматривались в работах И.Л. Жеребцова, М.А. Мацука и др.

Ряд особенностей традиционной культуры прилузских коми нашли отражение в работах этнографов и фольклористов в контексте разрабатываемой ими научной проблематики.

В.В. Соловьевым были подробно рассмотрены структура и численность крестьянской семьи лузско-летских коми в первой половине XIX в., определены два основных типа семей: малые и неразделенные; охарактеризованы брачно-семейные отношения (Соловьев, 1980; 1985). Описание отдельных элементов традиционного костюма прилузских коми представлено в работах Г.Н. Климовой, В.Э. Шарипова. Г.Н. Климовой были выявлены особенности кроя рубахи летских коми, определен основной ареал распространения головного убора – сороки, проведены аналогии с костюмами марийцев, удмуртов, русских (Климова, 1977).

Особенности медицинской практики и специфика пищевой модели прилузских коми, связываемые с земледельческим типом хозяйства и постоянными контактами с русским населением, были выявлены И.В. Ильиной (1997; 2008) и Т.И. Чудовой (2008; 2009).

Характеристика ритуалов жизненного цикла лузско-летских коми представлена в исследованиях И.В. Ильиной, А.И. Терюкова, В.А. Семенова, В.Э. Шарипова, П.Ф. Лимерова, О.Н. Голубковой, Т.Н. Бунчук, Е.А. Шевченко, рассматривающих отдельные элементы, циклы, семантику семейных обрядов. Из исследовательских работ по семейной обрядности выделяется монография Ф.В. Плесовского, посвященная свадебной обрядности коми, в которой автор выделил многочисленные локальные варианты коми-зырянской свадьбы, в том числе, отметил и обрядовые особенности у лузских и летских коми (Плесовский, 1968).

Фольклор, связанный с календарной и свадебной обрядностью Прилузья, рассматривается в работах Г.С. Савельевой, Ю.А. Крашенинниковой

(Савельева, 2005; Крашенинникова, 2007). Оба исследователя сходятся во мнении, что в сравнении с ситуацией фольклорного двуязычия в других районах коми, в традиции лузско-летской группы локальная специфика, связанная с переосмыслением русского фольклора как иноязычного, практически отсутствует.

С целью изучения современных этнокультурных процессов на территории Прилузья проводились социологические исследования, показавшие существенные изменения в материальной и духовной культуре современного коми сельского населения (М.Б. Рогачев, Ю.П. Шабаев, В.Н. Денисенко, 1982).

Таким образом, традиционная культура лузско-летских коми изучалась специалистами разных областей гуманитарных дисциплин, вместе с тем комплексного этнографического изучения пока не проводилось.

Цели и задачи исследования. Цель данного исследования заключается в комплексной характеристике основных элементов традиционной культуры лузско-летских коми, выявлении общего и особенного в ее локальных вариантах. Цель исследования обусловила постановку задач: систематизировать и проанализировать имеющиеся этнографические, архивные, опубликованные материалы по истории Прилузья (территории Лузско-Летского бассейна); рассмотреть историю формирования группы, охарактеризовать особенности межпоселенческих взаимоотношений, проявляющиеся в общедеревенских номинациях, а также традициях общедеревенских праздников; дать общую характеристику хозяйственно-культурного типа лузско-летских коми и выявить особенности в традиционном хозяйстве, сфере жизнеобеспечения (жилище, одежда, пища); рассмотреть особенности обрядов семейного цикла; выявить факторы, повлиявшие на формирование лузско-летских локальных традиций.

Хронологические рамки работы. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX – первую половину XX в. Определение нижней границы исследования мотивируется состоянием источниковой базы, верхней – периодом сохранения традиционной культуры, существовавшей в определенный хронологический период (середина XIX – середина XX в.) на основе традиционных форм хозяйства.

Источниковая база. Основной источниковой базой настоящей работы стали полевые материалы, собранные автором в ходе этнографических экспедиций ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН 2006–2010 гг. в Прилузском районе Республики Коми на территории сельских поселений Спаспуруб, Занулье, Читаево, Объячево, Ношуль, Черныш, Летка, Мутница, Черемуховка, Гурьевка, Слудка, Прокопьевка. Для получения сравнительного материала проводилось этнографическое исследование соседнего русского с. Лойма. В качестве информантов выбирались преимущественно люди пожилого возраста,

считающиеся основными хранителями традиций. Из обрядов жизненного цикла в меньшей степени удалось реконструировать родильную обрядность в связи со скудностью источниковой базы: сбор информации в начале XXI в. в основном от населения, детородный период которых приходился на годы, когда активно шла борьба с «пережитками» прошлого, а контроль в родовспоможении, чаще всего, уже осуществлялся медицинскими работниками.

Основными при сборе информации были методы интервью, а также метод включенного наблюдения, фотофиксация материала. Достоверность полученных в ходе полевых исследований данных была обеспечена их массовостью, повторяемостью, взаимодополняемостью.

Существенно дополнить или восстановить особенности бытования тех или иных элементов материальной культуры, ряда обрядовых комплексов XIX – начала XX в., а также проследить динамику развития и трансформации некоторых традиций позволило использование архивных источников и музейных коллекций: материалы А. Шегрена о традиционном костюме, хозяйственных занятиях, обрядах лузских коми, деятельности Ношульской пристани (Санкт-Петербургский филиал Архива АН, г. Санкт-Петербург); описи коллекций У.Т. Сирелиуса, содержащие фотоснимки и детальные зарисовки элементов костюма летских коми (Национальный музей г. Хельсинки); записи, рисунки и чертежи А.К. Супинского, характеризующие особенности домостроительства и типы хозяйственных и жилых построек лузско-летских коми в первой трети XX в. (Архив МАЭ РАН, г. Санкт-Петербург).

На основе подробных описей коллекций традиционной одежды коми-зырян, составленных М.А. Браун, были выявлены особенности праздничного и повседневного женского и мужского костюма, верхней одежды лузско-летских коми (Архив РЭМ, г. Санкт-Петербург). При написании раздела по традиционному костюму привлекались коллекции традиционной одежды, хранящиеся в фондах Национального музея Республики Коми (г. Сыктывкар), Краеведческого музея с. Объячево Прилузского района.

Наибольшую ценность из опубликованных источников имеют статьи, содержащие сведения о семейной обрядности, традиционном костюме, хозяйственных и промысловых занятиях, торговых связях лузско-летских коми, размещенные на страницах «Вятских губернских ведомостей», «Вологодских губернских ведомостей», «Волжско-Камского слова».

В полевых отчетах, реестрах, составленных участниками научных этнографических и фольклорных экспедиций, хранящихся в фондах Научного архива Коми НЦ, Фольклорного архива и научного архива Музея археологии и этнографии Сыктывкарского государственного университета содержатся историко-этнографические сведения о лузско-летских коми, богатый иллюстративный материал.

Источником для настоящего исследования послужили также публикации материалов Центра фольклорных исследований Сыктывкарского государственного университета по календарным праздникам, обычаям и обрядам, а также фольклорные тексты (2002, 2005).

Методология и методы исследования. Методологической основой работы явились теоретические и практические разработки отечественных исследователей, направленные на изучение этнической и культурной специфики локальных общностей, создание «рабочей» шкалы этноподразделений различного таксономического уровня «этнос», «субэтнос», «этнографическая группа», «локальная группа» (Ю.В. Бромлей, С.А. Арутюнов, Т.А. Бернштам, К.В. Чистов).

В диссертационном сочинении употребляются два понятия этнической категории: «этнографическая группа», применяемое по отношению к лузско-летским коми в целом, и «локальная группа», используемое для обозначения лузских и летских коми, представляющих каждая в отдельности группу наименьшей таксономической величины. Этнографические группы определены как «территориальные части народа, отличающиеся локальной спецификой разговорного языка, культуры и быта (особое наречие или говор, особенности материальной и духовной культуры и т.п.), имеющие иногда самоназвание и как бы двойственное самосознание» (Ю.В. Бромлей, 1981).

Основными признаками локальных (этнолокальных) групп исследователи называют: субэтничность, выраженную в собственном самосознании и самоназвании (главным образом, с притяжением к географическому объекту), осознание границ своей локальной территории, наличие собственного говора, наличие в традиционной культуре черт этнолокальной специфики (К.К. Логинов, 2005).

Анализ и интерпретация собранного материала проводились в рамках сравнительно-исторического, историко-типологического и ретроспективного методов, что позволило выявить общее и особенное в традиционной культуре лузско-летских коми, а также определить причины этих сходств и различий. Проводилось выявление динамики развития рассматриваемых элементов традиционной культуры лузско-летских коми.

Научная новизна. Работа представляет собой первое комплексное этнографическое исследование лузско-летских коми, в ходе которого были охарактеризованы две локальные традиции, имеющие при общем типе хозяйства специфику в основных компонентах традиционной культуры. В научный оборот вводятся новые материалы, полученные в ходе полевых исследований, а также, ранее неопубликованные архивные источники.

Теоретическая и практическая значимость. Исследование локальных групп представляет материал для решения проблем этнической идентичности, межэтнического взаимодействия; рассмотрения социокультурных

механизмов адаптации к природно-климатическим условиям, способствовавших выработке регионально-локального варианта культуры. Материалы по традиционному хозяйству могут иметь прикладное значение и использоваться при формировании стратегии социально-экономического развития Прилузского района Республики Коми, население которого сохранило земледельческие и животноводческие традиции и имеет потенциал для их восстановления.

Результаты исследования могут быть использованы при изучении традиционной культуры коми-зырян, привлекаться в качестве сравнительного материала в дальнейших этнографических изысканиях по различным аспектам традиционной культуры других групп коми-зырян, а также народов Европейского Северо-Востока; могут найти применение при разработке учебных курсов и методических пособий по этнографии коми, при создании музейных экспозиций.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены в докладах автора на научных конференциях: IX, X, XI научные конференции «Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе» (Сыктывкар, 2006, 2007, 2008); I Всероссийская молодежная конференция «Молодежь и наука на Севере – 2008» (Сыктывкар, 2008); Международная научная конференция «Полевая этнография – 2008» (Санкт-Петербург, 2008); Всероссийская научно-практическая конференция «Редкие книги в фондах современных библиотек, архивов, музеев» (Сыктывкар, 2009); Всероссийская научно-практическая конференция «Краеведческая конференция «Человек и эпоха» (Сыктывкар, 2010); Всероссийская научно-практическая конференция «Вторые Мяндинские чтения» (с. Усть-Цильма, 2010), а также нашли отражение в опубликованных тезисах и статьях, в том числе рецензируемых.

Структура работы. Работа состоит из Введения, двух глав, Заключение, библиографии из 173 наименований и приложений, включающих список основных информантов и 103 черно-белых иллюстрации.

Основное содержание работы

Во Введении обоснованы актуальность темы, сформулированы цель и основные задачи исследования, определены научная новизна и практическая значимость исследования.

Первая глава «Этнографическая группа лузско-летских коми: история формирования группы и общая характеристика хозяйственно-культурного типа» состоит из двух параграфов.

§ 1. «История формирования группы, коллективные номинации (прозвища) и культурные границы». В данном параграфе рассмотрены история

формирования группы, формы проявления локальных идентичностей, выявлены направления этнокультурных контактов, начиная с эпохи средневековья.

Материалы археологических, антропологических, лингвистических и топонимических исследований свидетельствуют о том, что, начиная с эпохи средневековья население Лузской Пермцы, выступающее основой формирования лузско-летских коми, контактировало с прибалтийско-финскими и поволжско-финскими племенами. Важным фактором, повлиявшим на процесс формирования группы, являлась русская колонизация, которая, начиная с XIV–XV вв., приобрела массовый характер. С этого же периода можно говорить о формировании особенностей хозяйственно-культурного типа населения Прилузья, поскольку материалы раскопок лоемских памятников, в частности топография и планиграфия поселения, вещевой инвентарь свидетельствуют о важной, вероятно, ведущей роли земледелия в хозяйстве.

К началу XVIII в. в основном был завершен процесс формирования группы прилузских коми. По отношению к основной этнической территории коми-зырян Прилузье является периферийным и представляет собой зону контактного проживания коми и русского населения. Данная особенность находит отражение в специфике межэтнических отношений. Так, коми и русское население с. Спаспоруб до настоящего времени четко осознают свои территориальные границы, оформившиеся еще в XVII в. (в нижнем конце села живут русские, а в верхнем – коми). Русское население Лоемского куста деревень отмечает, что занимаемая ими территория раньше принадлежала коми. Коми и русское население бассейна р. Лузы по настоящее время сохраняют предания о проживавшей некогда на этой территории чуди, воспринимаемой в качестве непосредственных предков коми-зырян.

Летские коми в силу административного деления, по которому до 1929 года большая часть населенных пунктов входила в состав Вятской губернии, долгое время были отделены от основной массы коми-зырян и развивались в тесных контактах с русскими и коми-пермяками. Это обусловило закрепление в традиционной культуре летских коми ряда особенностей. Следует отметить, что летские коми, в отличие от лузских, значительно дольше сохраняли в качестве самоназвания термин «пермяки», тогда как обозначение «зыряне, коми» использовалось ими по отношению к представителям других групп коми-зырян. И русские, отмечая языковое и культурное сходство летчан с коми-пермяками, называли их пермяками.

На формирование локальной идентичности летских коми определенное влияние оказала конфессиональная принадлежность части населения к старообрядчеству, распространенному в русских волостях Вятской губернии. По настоящее время у летских коми сохраняется определенный набор

культурных признаков, по которым церковно-православные отличают себя от старообрядцев.

Помимо групп лузских и летских коми, локализованных в бассейнах рек Луза и Летка, выделялись сообщества более низкого таксономического уровня, каждое из которых ощущало себя жителями определенного пространства, что нашло отражение в их самоназваниях, прозвищах. Среди существующего набора маркеров, позволяющего локальным сообществам идентифицировать себя или идентифицироваться другими в качестве членов определенной группы, особо выделяется специфика языка. Лузско-летскими коми осознаются существующие в речи фонетические и лексические различия. Так, особенности говора летские коми называют в качестве отличительного признака своей группы: *летский лакъяс* (лакны ‘идти’ вместо общекоми *локны*). Население Лузы также противопоставляет себя жителям бассейна р. Летка, указывая на специфику их речи: *«Ты откуда приехала? – Из Летки. – А, летский муй»* (муй ‘что’ вместо общекоми *мый*).

Локальная идентичность обнаруживает себя также в прозвищной традиции, существовавшей на более низком таксономическом уровне – деревенских сообществах. Общедеревенские прозвища состояли как из одного слова или словосочетания, так и могли выступать в виде прозвищных песен и частушек. В коллективном прозвище, в котором жителям селения приписывался какой-либо общий отличительный признак, выражалась характеристика местного сообщества. Наибольшее количество общедеревенских прозвищ связано с характеристикой экономического положения, культурно-бытовых и психологических особенностей местного населения. Некоторые номинации связаны с хозяйственной и топографической спецификой селений. В коллективных прозвищах могли быть отражены представления об антропологических особенностях местного сообщества. Так, жители с. Прокопьевка имеют номинацию *Прокопёвчи лудыкъяс* «Прокопьевцы клопы», одна из интерпретаций которой: *«в Прокопьевке живут все маленького роста, как клопы»* связана с антропологической характеристикой (ярко выраженным сублапоноидным типом). Во многих коллективных прозвищах выражалась негативная оценка определенных нравственных сторон деревенского сообщества (*жуликъяс* ‘жулики’; *жаднйъяс*, *жидьяс* ‘жадные’; *сьбд жузьъяс* ‘черные неряхи’). Вероятно, высмеивание недостатков той или иной селенческой группы было направлено, в первую очередь, на выполнение регулятивной функции прозвищ.

В Прилузье система общедеревенских прозвищ достаточно полно сохранилась только у летских коми. В большинстве населенных пунктов Лузского бассейна традиция коллективных прозвищ не фиксируется, однако здесь сохранились фольклорные тексты, в которых дана характеристика хозяйственной жизни группы деревень.

Как лужские, так и летские коми имели собственный праздничный календарный круг, основу которого составляла традиция престольных праздников, установленных для одной или нескольких деревень округа. Проведение храмовых праздников включало церковные службы, обряды, родственные встречи, общедеревенские гуляния. Первый день праздника отмечали в селах, второй – в прилегающих деревнях, продолжали празднование на третий день в починках. Несмотря на то, что приходы летских коми входили в разные епархии (Летский, Мутницкий входили в Вологодскую епархию, Слудский – в состав Вятской епархии) на территории Летского бассейна сложился единый календарный круг, объединивший села Летка, Черемуховка, Мутница, Гурьевка, Слудка, Прокопьевка. У лужских коми, имевших приходы в сс. Ношуль, Объячево, Спаспуруб в составе Вологодской епархии, также сложился свой праздничный календарный круг.

Престольные праздники были тесно связаны с сельскохозяйственным календарем, приурочивались к началу или окончанию основных крестьянских занятий. Формирование круга деревень, связанных между собой традицией гостевания, способствовало укреплению родственных связей и межселеческих взаимоотношений, созданию брачных пар.

§ 2. «Традиционная система хозяйства и сфера жизнеобеспечения (традиционное жилище, одежда, пища)». В данном параграфе основное внимание уделяется специфике хозяйственного освоения территории Прилузья, характеристике особенностей традиционного хозяйства, сферы жизнеобеспечения.

Хозяйство. В процессе адаптации к природно-климатическим условиям у населения Лузско-летского бассейна выработались наиболее оптимальные формы хозяйства, основу которого составляли производящие отрасли – земледелие и животноводство. В силу более мягких, по сравнению с северными территориями, климатических условий у лузско-летских коми было развито земледелие с трехпольной системой севооборота, наряду с которой до начала XX в. сохранились и архаичные способы обработки земли – лесной перелог и подсека. Пашенное земледелие традиционно базировалось на навозном удобрении, для повышения плодородия почв и дополнительной подкормки скота использовалась травопольная система земледелия. В отдельные отрасли выделялись льноводство и огородничество, включавшее большое разнообразие культур.

Лузско-летскими коми быстрее осваивалась более прогрессивная агротехника, сельскохозяйственные орудия труда, что было связано с влиянием земледельческой культуры соседнего русского населения.

Дополнительной отраслью хозяйства являлось животноводство, развитие которого сдерживалось природно-климатическими условиями. Запасов сена для содержания скота часто не хватало на весь стойловый период, по-

сколькx существовал дефицит пастбищных и сенокосных угодий. Поэтому наряду с содержанием лошадей, коров, овец, кур лузско-летские коми занимались свиноводством – отраслью, не знакомой другим группам коми, за исключением небольшой группы на Верхней Вычегде. В Прилузье, несмотря на природные риски, в хозяйственный комплекс было включено пчеловодство, не известное в других районах края.

Присваивающие отрасли в конце XIX в. на территории бассейнов рек Луза и Летка оказались в кризисном состоянии, в связи с усилением антропогенного воздействия на природу и сокращением популяции животных из-за перепромысла. Поэтому в системе хозяйства основной массы населения охота и рыболовство занимали подсобное место. У летских коми, в связи с незначительными речными ресурсами, рыболовство практически не было развито.

Высокая продуктивность таких отраслей хозяйства, как льноводство, животноводство предопределила их товарный характер. Из домашнего производства были выделены гончарное, валяльное ремесла, практиковались охотские промыслы. Деятельность Ношульской пристани, служившей дополнительным стимулом для роста товарного производства и товарно-денежных отношений, способствовала развитию судостроительного, дегтекурного, смолокурного промыслов.

Поселения и жилище. Особенности ландшафта, характеризующегося неразвитой речной сетью, а также необходимостью освоения земель, пригодных для земледелия, было обусловлено гнездовое расположение селений, имевших к началу XX в. преимущественно уличную планировку, менее распространенную у других этнографических групп коми-зырян. Большинство населенных пунктов располагалось на возвышенных местах «на суходоле» и вдоль тракта. Характерной особенностью домостроительства прилузских коми являлись многоизбные дома, состоящие из четного количества отдельных изб (срубов), поставленных по мере увеличения большой семьи, ведущей общее хозяйство, связанное с земледелием. Единый комплекс составляли не только жилой дом с двухъярусным скотным двором, но и особая пристройка под односкатной крышей – *улич* на Летке, *санник*, *стая* на Лузе. При общих чертах, в практике домостроительства лузско-летских коми фиксируются определенные типологические и конструктивные различия, связанные с двумя архитектурными традициями, оказавшими влияние на Прилузье. У летских коми имеют распространение небольшие по размерам дома-четырёхстенки, состоящие из одной избы с сенями, покрытые двускатными с залобком или четырёхскатными крышами. Типологически они близки постройкам центральных и северных районов Вятского региона. С влиянием севернорусских традиций связываются особенности домостроительства лузских коми, для которых характерны большие дома под двускатной крышей,

состоящие из нескольких комнат. Они представлены следующими типами: дома-двойни, пятистенки, шестистенки, шестистенки с заулком.

Одежда. В лузско-летском комплексе одежды, выделенном исследователями, наряду с комплексами костюмов остальных этнографических групп, в отдельный, фиксируется два варианта традиционного женского костюма. Для лузских коми характерен сарафанный комплекс севернорусского типа, включающий рубаху с прямыми поликами и косоклинный сарафан. По крою и способу декорирования браным узором или вышивкой, состоявшей в основном из геометрического и растительного орнамента, расположенного по вороту и краям рукавов, лузская рубаха ближе всего к рубахам верхневычегодских и сысольских коми, лоемских русских, коми-пермяков. Женская рубаха летских коми относится к типу рубах с трапециевидными поликами, выкроенными из кумача, а сарафан представлен наиболее древним туникообразным типом. Рубаха летских коми по крою, расположению узоров на прямых и широких рукавах, композиционным особенностям диагонально-геометрических узоров и их цветовом решении близка к рубахам, известным у русских Рязанской и Тульской губерний. Вышивка, аналогичная летской, не встречается больше нигде у коми-зырян, однако близка к вышивкам на старинных удмуртских и марийских рубахах.

На Летке в качестве головного убора замужние женщины носили сороку *юр көртёд* ‘повязка на голову’, на Лузе головной убор состоял из двух платков: небольшой красной косынки *руска*, завязываемой на затылке, и верхнего платка фабричного производства, который мог быть любой расцветки. В сороке летских коми исследователи обнаруживают близкие параллели с марийской сорокой, проявляющиеся в однотипности их покрою и декоративного оформления.

Из мужского костюма выделяется праздничная рубаха летских коми, покрой которой, расположение разреза на груди, вышивка находят аналогии в старинных мужских рубахах марийцев.

Абсолютно отличающимися от обуви других групп коми-зырян являются распространенные у летских коми лапти из липового лыка *нинкём*, которые носили с вязаными шерстяными чулками или с льняными портянками.

Традиционная система питания лузско-летских коми, включавшая большое разнообразие блюд из злаковых, семян технических культур, продуктов огородничества, животноводства, была связана с основным направлением хозяйственной деятельности – земледелием. При общих чертах пищевой модели у лузско-летских коми выделяются локальные различия: в рацион питания лузских коми чаще включались продукты рыболовства, в традиционной системе питания летских коми шире использовались семена технических культур (лен и конопля), в частности в выпечке, что не характерно для других групп коми-зырян. Виды и технология приготовления многих блюд были

заимствованы из русской кухни, о чем свидетельствует кулинарная терминология (*рѡсьтигай* (<рус. расстегай), *солоник* (<рус.), *кокур* (<рус. кокура, кокурка) и др.).

Вторая глава «Традиционная семейная обрядность лузско-летских коми» посвящена выявлению специфики в свадебной, родильной, погребально-поминальной обрядности лузско-летских коми и состоит из трех параграфов.

§ 1. «Свадебный обряд». Как показывает анализ этнографического материала, структура традиционной свадебной обрядности лузско-летских коми на период конца XIX – начала XX в. **аналогична общему обрядовому комплексу коми-зырян**, и состоит из периодов:

- предсвадебного, включающего время от сватовства до девичника, рукобитье, обряды кануна свадьбы с девичником и обрядовым мытьем невесты в бане;

- свадебного, представляющего собственно свадьбу и по времени совпадающего с днем венчания;

- послесвадебного, оформляющего этап вступления молодых в семейную и трудовую жизнь рода.

В то же время зафиксированные у лузских и летских коми обряды и обрядовые элементы обладают рядом особенностей. Так, у летских коми сохранялась своеобразная форма заключения брака: свадьба с калымом, когда сторона жениха выплачивала за невесту калым (выкуп), имевший название *принос* (< рус.). Денежная сумма (*принос*), на которые невеста должна была приготовить подарки для родных жениха, оговаривалась во время обряда «пропивания» невесты *пропой* (< рус.) и рукобитья *кикутѡм* – совместных трапез вступающих в родство семейных коллективов. Калым и обряд «пропивания», не встречающиеся в свадебной обрядности других групп коми-зырян, были распространены у соседнего русского населения.

Канун свадьбы (девичник) внутри группы лузско-летских коми различался как терминологией, так и формой проведения. Так, у летских коми девичник имел два названия: *каризна* (<рус); *блин сѣян рыт* ‘вечер поедания блинов’, у лузских коми: *каризна* (Объячево, Читаево); *блин сѣян рыт* (Черныш), *рытва*, *зумлѡс* (Ловля, Ношуль, Черныш), *плаканньѡ* ‘плаканье’ (< рус.) (Спаспоруб, Занулье, Лойма).

Специфичным являлся обычай лузских коми, происходивший в канун свадьбы, когда невеста после посещения обрядовой бани, закрытая белым полотном, вставала на расстеленную у порога дома скатерть, молилась, благодарила родных за воспитание, за истопленную баню. Данный обычай аналогичен обрядовым действиям соседнего русского населения.

У летских коми зафиксирован обычай, по которому невесте в день свадьбы перед приходом жениха и во время отправления в церковь помимо девичьего головного убора надевали меховую шапку, что было характерно для свадебного обряда марийцев, коми-пермяков.

Второй день свадьбы носил название *сур юан лун* 'день распивания пива', третий день *пирӧг сӕян лун* 'день поедания пирога' (у летских коми). Спецификой третьего дня празднования свадьбы у летских коми был обычай выпекания пирогов *ёсьта пирӧг* 'пирог с острями (занозами)': молодая вместе со свекровью пекла пироги, в которых запекали лучины.

Одной из наиболее ярких особенностей обрядов третьего дня у летских коми является ряжение, когда родственники жениха переодевались в ветхую одежду, брали с собой корзину и ходили по деревне, прося угощения. Главным подношением были яйца, ими кормили молодоженов, при этом невесте говорили: «*кыдз позтырсӧ любитан, сідзжӧ и мянӧс любит*» «как яйца любишь, так и нас люби». Обычай свадебного ряженья наиболее близок русским Вятского региона, поволжским финнам.

В послесвадебном периоде лузских коми существовал обычай, по которому дом молодых навещала мать невесты, привозившая с собой в качестве угощения для зятя вареные и крашенные яйца – *позтыр дӱддӱ* 'воз яиц'.

Отдельные обряды свадебного ритуала, в частности, девичник, передача невесты жениху различались на уровне межселенческих групп лузских коми. Из них особенно выделялись села Спаспороуб и Занулье с прилегающими к ним деревнями, поскольку имели наибольшее сходство с севернорусским свадебным ритуалом, проявлявшееся в обрядовых элементах, терминологии, широком распространении свадебных приговоров.

§ 2. «Обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка». Основу родильного обряда составляли известные у всех групп коми-зырян обычаи, направленные на обеспечение благополучного вынашивания плода и рождения здорового ребенка, его последующую социализацию. В то же время в обрядах и обрядовых элементах лузско-летских коми имелся ряд специфических черт. К числу таких относится обычай, представляющий рудимент кवादы: отцу ребенка во время родов жены давали круто посоленный хлеб с горчицей, соленую и сладкую кашу, чтобы он таким образом символично разделил муки роженицы. Подобный обычай, не зафиксированный у остальных групп коми-зырян, был известен у коми-пермяков, поволжских финнов, русских.

Характерными для родильной обрядности прилузских коми были магические действия с пуповиной ребенка. Существовал обычай перерезать или привязывать пуповину к предмету, относящемуся к желаемой для ребенка профессии: пуповину девочки перерезали на прялке, веретене, пуповину мальчика перерезали на прикладе ружья, на топоре, привязывали к плугу, чтобы имел тягу, интерес к труду. Данный обряд, широко известный у рус-

ских и финно-угорских народов, в традиционной обрядности коми-зырян был распространен преимущественно у прилузских и вымских коми.

Важнейшим этапом социализации ребенка являлось крещение, которое осуществлялось как в храме, так и в домашних условиях. Специфической чертой домашнего крещения у летских коми является использование в обряде наряду с крестом особого камня *розья из* ‘камень с отверстием’, который опускали в купель с водой. Использование камней с пронимальной символикой было характерно для русской лечебной магии, направленной на исцеление детей от «уроков», испуга, крика и других детских недугов.

По устоявшимся народным представлениям причина многих детских недомоганий заключалась в сглазе (порче), основу лечения которого составляли различные магические действия, такие как умывание специально приготовленной водой, окуривание дымом, «рубка» под корытом. Традиционная медицинская практика прилузских коми характеризовалась разнообразием магических обрядов, направленных на излечение и предупреждение заболеваний, что объясняется постоянными контактами с русским населением, имевшим богатые традиции в области лечебной магии.

Общие принципы ухода за новорожденным, сводившегося к кормлению, пеленанию, купанию в бане, были теми же, что и у других групп коми-зырян. Для ребенка изготавливали колыбели двух типов – традиционные колыбели из березовых или осиновых досок, и не характерные для других групп коми-зырян, плетеные из ивовых веток, бересты, лыка. Для двойни изготавливали более широкую двойную зыбку с небольшой перегородкой посередине.

У лузско-летских коми зафиксирован обряд «перепекания» – мыли и парили ребенка в русской печи на предварительно подстеленном сене. Купание и парение младенца в русской печи было характерно для соседнего русского населения.

§ 3. «Погребально-поминальная обрядность лузско-летских коми». Основу погребально-поминальной обрядности лузско-летских коми, как и других этнографических групп коми-зырян, составляет православный чин погребения. В то же время погребальный обрядовый комплекс лузско-летских коми включает в себя ряд особенностей.

В погребальном обряде летских коми, перед тем как вынести гроб из дома и отправиться на кладбище, родственникам и близким принято было передавать вещи покойного, что нашло отражение в названии самого обычая «раздавать подарки» (< рус.). «Подарки от умершего» брали с крышки гроба, которую устанавливали по диагонали на гроб либо на скамью. В первую очередь одаривали тех, кто обмывал, обряжал покойного, кто изготавливал гроб, а затем уже остальную родню. Принимающий подарок сначала три раза обносил себя крестным знаменем, затем благодарил умершего словами: «*Спасибо (имярек), за подарок*».

Яркой спецификой отличается зафиксированный на Летке и Верхней Лузе (Верхолузье) обычай “первой встречи” – вынос специального мешочка с едой и предметами *пажун-кошеля*. В сшитый вручную швом «вперед иголкой» мешочек помещали тарелку, чашку, ложку, катушку ниток с иголкой, полотенце, бумажные деньги, спички, из съестного клали выпечку, чаще всего рыбник, яйцо, чай, сахар, соль. Человек, несущий *пажун-кошель*, возглавлял похоронную процессию и отдавал его первому встретившемуся на пути человеку, который был одного пола с умершим или являлся его тезкой. Обычай выносить специальный мешочек с едой в день погребения находит аналогии у русских, коми-пермяков, поволжских финнов.

В поминальный цикл входили индивидуальные поминки, проходившие на третий, девятый, двадцатый, сороковой дни со смерти умершего, а также на полгода и годовщину, на которых присутствовали участники похорон, и коллективные, к основным из которых относятся Радуница, Троицкая суббота, Покровская суббота, Дмитриевская суббота.

У летских коми не фиксируется обычай проводов покойника на 40-й день, в то время как у лузских коми, за исключением Спаспурубского кушта деревень, как и у других групп коми-зырян, принято «проводить покойника»: после посещения кладбища в доме устраивали поминальную трапезу, на которую приглашали выбранного по определенным критериям человека, выступавшего символическим заместителем погребенного.

Характерной особенностью кладбищ лузско-летских коми является наличие большого количества кормушек для птиц в виде домиков с двускатной крышей, с вырезанными или прорисованными окошками и дверцами, которые подвешивают к стволам деревьев, растущих рядом с могилами, крепят к намогильным сооружениям, родовой ограде или специально установленным высоким столбам. К локальной специфике относятся намогильные сооружения, выполненные из ствола можжевельника с оставленными на нем сучками, встреченные на кладбищах в летских селах Гурьевка, Слудка, Прокопьевка. В качестве стола для поминальных трапез используются доски, укладываемые поверх могилы, также у лузских коми на могилах устраиваются массивные конструкции: на четырех столбах по периметру могилы устанавливаются четыре доски, соединенные вместе, две боковые выступают в качестве скамеек, на две поперечные укладываются четыре-шесть досок, которые служат столом.

Таким образом, на территории Лузско-Летского бассейна выделяются два локальных варианта погребально-поминальной обрядности. Обрядность летских коми отличается от лузских и включает в себя такие элементы, как передача родственникам «подарков от умершего», кормление скота перед выносом гроба, накрывание полотенцем крышки гроба. У летских коми до настоящего времени широко распространен, не фиксирующийся у других

групп коми-зырян, обычай “первой встречи”. В то же время не выраженным оказался комплекс действий 40-го дня, ограниченный посещением кладбища и поминальной трапезой. Влиянием старообрядческих традиций, вероятно, объясняются такие элементы, как способ изготовления гроба «на шипах», обряжение покойного в саван, изготовление надмогильных сооружений из ствола можжевельника. В погребальном обряде лузских коми особо обращает на себя внимание обычай «проводить душу» на сороковой день, устанавливать кормушки для птиц, надмогильные конструкции в виде стола и скамеек.

В Заключении диссертации подводятся основные итоги исследования. Выделенная во второй половине XX в. Л.П. Лашуком и Л.Н. Жеребцовым этнографическая группа прилузских коми, характеризуется, в первую очередь, земледельческим типом хозяйства, который складывался в особых природно-климатических условиях: мягкий по сравнению с северными территориями климат способствовал сложению в Прилузье земледелия с трехпольной системой севооборота, наряду с которой до начала XX в. сохранялись перелог и подсека. В тесной связи с земледелием развивалось и животноводство, в котором выделялись такие отрасли, как свиноводство и птицеводство. Также характерным исключительно для хозяйственного комплекса прилузских коми является пчеловодство.

Анализ фольклорных источников показал, что лузские и летские коми идентифицируют себя как отдельные локальные сообщества и это особенно ярко проявляется в прозвищной традиции, которая фиксируется на разном таксономическом уровне, прежде всего, на уровне групп, локализованных в бассейнах рек Лузы и Летки. Основанием для выделения локальных групп лузских и летских коми выступают не просто отдельные элементы культуры и языка, а комплексы характерных черт традиционной культуры, предопределенные природно-климатическими, социально-экономическими факторами и этнокультурными контактами. Формирование специфики традиционной культуры было во многом обусловлено особенностями этнической истории лузско-летских коми. Начиная с эпохи средневековья население Лузской Пермцы, выступающее основой формирования лузско-летских коми, контактировало с прибалтийско-финскими и поволжско-финскими племенами. Большое влияние на традиционную культуру прилузских коми оказывалось со стороны соседнего севернорусского и среднерусского населения, что нашло отражение практически во всех культурных компонентах и зафиксированных в языке в виде многочисленных заимствований русской терминологии.

Зафиксированные в Прилузье традиции, территориально локализованные в бассейнах рек Летка и Луза, имеют разную степень устойчивого

бытования специфических черт, что обусловлено, главным образом, сравнительной замкнутостью группы летских коми. У летских коми до настоящего времени сохраняются многие элементы свадебного обрядового комплекса, система общедеревенских прозвищ, имеющих особое значение для самоидентификации группы, тогда как на Лузе данный пласт культуры оказался практически полностью утраченным.

Дальнейшее всестороннее и детальное исследование локальных групп может способствовать решению целого ряда вопросов, в числе которых находятся проблемы этнической идентичности, межэтнического взаимодействия, этногенеза, путей формирования и закономерностей трансформации различных культурных элементов.

Список основных работ, опубликованных по теме диссертации

Публикации в научных изданиях, рекомендованных ВАК

1. Бойко [Сорвачева] Ю.И. Символика дома в погребальной обрядности лузско-летских коми // Вестник Поморского университета. – 2007. – № 3. – С. 25-29.
2. Бойко Ю.И. Родильная обрядность локальной группы летских коми в современных записях // Известия Российского государственного университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 93. – С. 42-46.

Публикации в сборниках научных трудов

3. Бойко Ю.И. Топография кладбищ (по материалам архива музея археологии и этнографии СыктГУ) // Музеи и краеведение. – Сыктывкар, 2007. – Вып. 6. – С. 334-339.
4. Бойко Ю.И. К вопросу об одном из элементов погребальной обрядности летских коми // «Рябининские чтения – 2007» (Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера). – Петрозаводск, 2007. – С. 108-110.
5. Бойко [Сорвачева] Ю.И. Особенности надгробных сооружений Прилузского района // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Доклады 9-й студенческой научной конференции. – Сыктывкар: ИГ Коми НЦ УрО РАН, 2006. – Том IX. – С. 115-120. Совм. с С.П.Федюневым.
6. Бойко Ю.И. Обряды дня похорон у летских коми // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Доклады 10-й научной конференции. – Сыктывкар: Геопринт, 2007. – Том X. – С. 133-137.
7. Бойко Ю.И. Особенности традиционной системы питания прилузских коми // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Доклады 11-й научной конференции. – Сыктывкар: Геопринт, 2008. – Том XI. – С. 137-142.

8. Бойко Ю.И. О некоторых особенностях свадебной обрядности летских коми // Материалы докладов I **Всероссийской молодежной научной конференции** «Молодежь и наука на Севере». – Сыктывкар, 2008. – Том II. – С. 54-55.
9. Бойко Ю.И. Образ птицы в контексте семейной обрядности коми (по полевым материалам и музейной коллекции НМ РК) // Духовное наследие народов Республики Коми: история и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Редкие книги в фондах современных библиотек, архивов, музеев» (к 20-летию отдела редкой книги научной библиотеки СыктГУ). – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2010. – С. 264-268. Совм. с Н.А. Волокитиной.
10. Бойко Ю.И. Значение этнографических исследований А.К. Супинского для характеристики традиционной культуры прилузских коми // Известия Общества изучения Коми края: научно-популярный краеведческий журнал. – Сыктывкар: Коми пединститут, 2010. – Вып. 13. – С. 12-14.

Тираж 100 экз.

Заказ № 25 (138).

Редакционно-издательский отдел Института языка,
литературы и истории Коми научного центра УрО РАН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

